

ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ

Российский государственный архив
литературы и искусства

**дневники
и письма
1940–1941
годов**

*неизвестность
будущего*

С рисунками Георгия Эфрона
(публикуются впервые)

Издание подготовили

Е.Б. Коркина, В.К. Лосская, А.И. Попова

Издательство АСТ • РГАЛИ

Москва

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Г94

Редакционный совет РГАЛИ: Т.М. Горяева (председатель), Л.М. Бабаева,
Л.Н. Бодрова, Е.В. Бронникова, А.Л. Евстигнеева, Т.Л. Латыпова,
М.А. Рашковская, Н.А. Стрижкова, Е.Ю. Филькина

Дизайн серии Ивана Ковригина

Дизайн обложки Дмитрия Агапонова

В оформлении книги использованы иллюстрации из фондов РГАЛИ,
Дома-музея М.И. Цветаевой в Москве, Музея М.И. Цветаевой в Болшево,
а также из личных архивов Л.А. Мнухина и Ю.П. Клюкина

Эфрон, Георгий Сергеевич

Г94   Неизвестность будущего : дневники и письма 1940–1941 годов /
Георгий Эфрон; изд. подг. Е. Коркиной, В. Лосской, А.И. Поповой;
вступ. статья Т. Горяевой – М.: Издательство АСТ, 2017. – 512 с; ил. –
(Письма и дневники)

ISBN 978-5-17-095451-3

Марина Цветаева отмечала: «Есть у меня важный свидетель – сын», «умный и суровый Мур». Эти дневники – лучшее тому подтверждение. Записи юного Георгия Эфрона, охватывающие период 1940–1941 годов, являются уникальным документом последнего периода ее жизни. Много рассказывает молодой человек и о себе: об учебе в школе, окружении, занятиях рисованием, встречах с девушками, бесконечном чтении русской и зарубежной классики. Особое внимание уделяет он политическим и военным событиям в СССР и за границей, анализирует их, строит прогнозы, и, порой, они оказываются верны.

Несколько иначе раскрывается личность Георгия Эфрона в письмах, существенно дополняющих его дневники.

Сын Марины Цветаевой оставил нам не только глубокое и достоверное повествование о своем времени и малоизвестных фактах жизни своей семьи, но и замечательные рисунки, которые впервые публикуются в этом издании.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095451-3

- © Т.М. Горяева, вступительная статья, 2017
- © Е.Б. Коркина, подготовка текста, предисловие, примечания, 2017
- © В.К. Лосская, подготовка текста, предисловие, примечания, перевод с французского, 2017
- © А.И. Попова, примечания, 2017
- © Российский государственный архив литературы и искусства, 2017
- © ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие

Начнем с конца. В начале 1944 года, в зимней Москве, первокурсник Литературного института Георгий Эфрон в учебных записях по истории ВКП(б) на отдельном листке набрасывает – в позапрошлом веке сказали бы «стихотворение в прозе», в прошлом, вероятно, просто «текст» – мы же склонны видеть в этом наброске последний автопортрет героя этой книги. Вот этот листок:

Я вышел из дому и пошел по широкой белой дороге.
Я шел с котомкой на плечах и с палкой в руке.
Светило солнце, пели птицы на деревьях.
Небо было синее, солнце желтое, трава зеленая, дорога белая.
Дорога белая. Путь далекий, дорога белая, куда ведешь ты меня?
Я достигну забытого замка, где лежит спящая красавица,
я достигну всего, я ничего не достигну.
Солнце закрыто тучами, дорога серая, трава поникшая.
Замолкли птицы, и деревья бессильно склонились к земле.
Дорога серая, путь далекий... Я иду обратно.
Я иду обратно и все более и более углубляюсь
в область неизведанного, непознанного,
в область неожиданного и непонятного.
В этой области ни солнца, ни света, ни неба, ни птиц.
Я все глубже проваливаюсь в пустоты мрака,
я брожу по темным скалам, я плаваю в подземном море,
я задыхаюсь. И я говорю себе:
– Иди. Путь далек до тихой гавани,
ибо силы нужны, и бодрость и мужество,
чтобы понять и принять¹ самого себя².

Для того чтобы «понять и принять» (вынести и простить) самого себя, у автора оставалось несколько месяцев. 7 июля 1944 г. он погиб в своем первом

---

¹ В рукописи зачеркнут вариант: вынести и простить.

² РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Ед. хр. 285. Л. 12.

Елена Коркина, Вероника Лосская

бою вместе с сотнями рядовых солдат, обеспечивавших наступление Красной армии на 1-м Белорусском фронте. Так что слова о провале в пустоты мрака оказались не метафорой, потому что даже плита с его именем установлена на могиле неизвестного солдата в деревне Друйка. Он погиб так, как его безымянный ровесник из стихотворения А. Твардовского «Я убит подо Ржевом»:

...Я не помню разрыва,
Я не видел той вспышки.
Словно в пропасть с обрыва,
И ни дна, ни покрышки.
И во всем этом мире
До скончания дней
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Но Георгий Эфрон готовился быть писателем, поэтому в предисловии и послесловии к «Дневникам» мы приводим некоторые из сохранившихся набросков его литературных опытов – эти петлички и лычки погибшего рядовым солдатом неосуществившегося писателя.

Сын Марины Цветаевой, Георгий Сергеевич Эфрон (1925–1944), начал вести дневник сразу после приезда с матерью в СССР в июне 1939 г. 14-летним мальчиком. Его большевский «Дневник № 1» (заголовок Г. Эфрона) утрачен вместе с бумагами сестры, Ариадны Сергеевны, при ее аресте 27 августа 1939 г. «Дневник № 2» начинается 4 марта 1940 г. в подмосковном Голицыне, последний из сохранившихся дневников – № 17 – кончается записью от 25 августа 1943 г. за месяц до отъезда автора из ташкентской эвакуации в Москву.

Очевидно, что не все дневники Г.Эфрона сохранились. Нет сведений о дневниках № 11 и № 12, а их отсутствие образует в общей хронологии записей лауну длиною во весь 1942 год. Нет записей последнего месяца его ташкентской жизни. Нет также никаких следов дневника с осени 1943 г., когда Г. Эфрон вернулся из Ташкента в Москву. Если он и вел его в отпущенные ему месяцы московской жизни до мобилизации в марте 1944 г., то, вероятно, он взял тетрадь с собой в армию, и этот последний дневник погиб вместе с ним.

Но и с этими утратами свод сохранившихся текстов насчитывает около 800 страниц рукописей.

В авторской нумерации дневников есть некоторые особенности, о которых мы хотим сразу же предупредить читателей. Так, например, оконченный «Дневник № 5» хронологически продолжается несколькими страницами записей, озаглавленных «Отрывки к дневнику», а следующий за этими отдельными листами «Дневник № 6» состоит из пространной записи только одного дня; «Дневник № 9» начинается вслед за последней записью «Дневника № 8» в той же тетради с перерывом в три дня, и если здесь возможно объяснение, что новый дневник начинается хотя и в прежней тетради, но пишется на новом месте (в упомянутые три дня состоялся переезд в комнату на Покровском бульваре), то логики в нумерации ташкентских дневников мы не увидели. Дневники № 13–17 помещены под одной обложкой и, за исключением двух школьных тетрадей, большинство записей сделано на отдельных листах разного формата; ни физические, ни хронологические границы этих дневников, очевидные автору, посторонний взгляд не усматривает.

Все дневниковые записи отличаются аккуратностью письма, помарки в них почти отсутствуют, поскольку ошибочно написанное слово автор не зачеркивает, а заключает в скобки, даты всегда подчеркнуты или выделены красным карандашом, конец записи отмечен тем или иным графическим знаком. Поскольку в датах Г. Эфрон, как правило, очень пунктуален, обращают на себя внимание случаи их повторения: так, в «Дневнике № 7» две записи датированы 27 июня 1940 г. и две – 6 июля 1940 г.; в «Дневнике № 14» целых три записи датированы одним числом – 19 марта 1943 г.

Еще одной особенностью дневников Г. Эфрона является их двуязычность. Автор то страницами пишет на одном языке (русском или французском) с минимальными вкраплениями второго, то три-четыре раза в одной записи переходит с языка на язык. Для удобства чтения русские переводы пространных французских записей даются не в постраничных сносках, а сразу же за окончанием переводимого фрагмента.

И, наконец, отметим без комментария и такую, прежде не встречавшуюся нам особенность, когда новый дневник начинается не только с продолжения последней записи предыдущего дневника, но с продолжения неоконченной

в нем фразы (граница «Дневника № 9» и «Дневника № 10») или даже слова (переход «Дневника № 2» в «Дневник № 3»).

Дневники Георгия Эфрона в первую очередь привлекут к себе внимание потому, что он был сыном Марины Цветаевой и в последние два года ее жизни единственным и самым близким свидетелем и участником ее повседневного существования. Его записи постепенно разворачивают всю историю трагического противостояния Цветаевой ударам судьбы, обрушившимся на нее и на ее близких, иссякновения ее сил в этой борьбе и рокового исхода. Все эти месяцы, с первой страницы дошедших до нас дневников и до самого своего конца, мать была с ним неотступно; единственное исключение – ее поездка в Чистополь и последний день, когда его при ней не оказалось. Поэтому все то, о чем он рассказывает, передается на фоне ее постоянного присутствия. Цветаева брала сына с собой в гости ко всем своим знакомым, обсуждала с ним мытарства с поисками жилья, не скрывала от него своих волнений о судьбе арестованных близких. Таким образом, интерес дневников именно в том, что последние годы жизни Марины Цветаевой в СССР прослеживаются день за днем. Вплоть до каждой мелочи мы узнаем и проверяем все, о чем было уже известно или о чем можно было только догадываться.

Кроме того, дневники Г. Эфрона, бесспорно, ценнейший материал для профессиональных историков и читателей, небезразличных к прошлому. Политическая зрелость молодого автора позволяет тем, кому интересна история Второй мировой войны, понять, какую информацию можно было получать в Москве и как ее можно было толковать – вне всякой политической цензуры. Впервые в этих дневниках дается взгляд на советскую действительность – изнутри, конечно, но глазами человека, воспитанного на Западе, не во лжи и страхе, а в условиях свободы мысли. Такого документа, насколько нам известно, в России еще не было. Дневников почти не писали, а если что и писали, то все заучивали наизусть, как это делали Ахматова, Н.Я. Мандельштам и Солженицын, боясь обысков, арестов, конфискации, кражи. Это случилось и с дневниками Г. Эфрона – и в Болшеве, и в Ташкенте, но все же осталось немало интересных страниц. Более того, известно, что ничто не исчезает так быстро и так бесследно, как материальная культура ушедшей эпохи. Она исчезает из памяти даже ее ежедневных свидетелей. Цены, маршруты трамваев, названия улиц, программы концертов, принятые нормы общежития, формы

праздников и развлечений, регламент работы учреждений и тому подобные сведения восстанавливаются путем кропотливых архивных и библиотечных раскопок, и далеко не в полном объеме. Вероятно, нигде, кроме дневниковых записей частных людей, не сохранились, скажем, подробности жизни эвакуированных в столицу Средней Азии Ташкент – вся сложная система магазинов и распределителей, столовых и учреждений, от которых зависела жизнь каждого дня. Сколько хлеба выдавали на карточку иждивенца, чем кормили в столовой прикрепленного к ней гражданина, каков был ассортимент ташкентских базаров, как работали школы, больницы, железные дороги военного времени, – все это позволяет увидеть прошлое живым и с благоговением ощутить, что еще одна частичка общечеловеческого бытия не поглотилась пучиной забвения, а приобщена к истории.

И наконец дневники Г. Эфрона – психологический документ. Лейтмотив его короткой жизни – одиночество, которое определили причины прежде всего биографические. Его родная семья фактически распалась с отъездом в СССР в 1937 г. сначала сестры Ариадны, затем отца, Сергея Яковлевича Эфрона. Георгию было тогда 12 лет. Около двух лет он прожил в Париже с матерью, причем они оказались почти в полной изоляции из-за репутации С. Эфрона как разоблаченного агента НКВД. Приезд в Москву в июне 1939 г. и воссоединение семьи на большевской даче завершились новыми испытаниями. На глазах Георгия в августе была арестована его сестра, а в октябре отец. Так, в 14 лет, он навсегда лишился семьи. Снова жизнь вдвоем с матерью, и снова они в вынужденной изоляции, как приехавшие из-за границы, как родственники подследственных. Через два года, в августе 1941 г., Георгий потерял и мать. Ему было 16 лет. И оставшиеся три года своего короткого пути он прожил в круглом одиночестве и так же одиноко и безвестно окончил свою жизнь. Ему было 19 лет.

После последней записи ташкентского дневника (№ 17, 25 августа 1943 г.) мы только пунктирно можем восстановить жизнь Георгия Эфрона последнего (неполного) оставшегося ему года.

Судя по телеграмме тетке – Е.Я. Эфрон, он выехал из Ташкента 27 сентября 1943 г.¹ и в начале октября приехал в Москву. 11 октября Краснопресненский райвоенкомат выдает ему отсрочку от призыва до 15 октября, «для устройства дел», оставив у себя его паспорт и военный билет. Вероятно, ему

---

¹ РГАЛИ. Ф. 2962. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 12.

Елена Коркина, Вероника Лосская

помогает А.Н. Толстой, возможно, Н.С. Тихонов и А.С. Межиров – их адреса и телефоны сохранились в бумагах Г. Эфрона, – и он получает более длительную отсрочку. Устроившись на работу комендантом общежития метизного (принятое тогда сокращение, обозначающее различные металлические изделия) завода «Пролетарский труд», он пытается поступить в Институт иностранных языков, но в конце ноября 1943 г. с рекомендацией А.Н. Толстого Г. Эфрона зачисляются на первый курс Литературного института. Проучился он там чуть более трех месяцев¹. Но брони Литературный институт не давал, и 1 марта 1944 г. Георгий Эфрон был мобилизован. После обучения в запасном полку в подмосковном Алабине он в конце мая 1944 г. в составе маршевой роты отбыл на Западный фронт.

«Мальчиков нужно баловать, – им может быть на войну придется?»² – записала Цветаева в черновой тетради, когда ее сыну не исполнилось и двух месяцев, а Европа только начинала оправляться от последствий Первой мировой войны. Но у матери сердце – вещун.

Елена Коркина, Вероника Лосская

---

¹ Об этом времени его жизни см.: *Мошковский А.* Георгий, сын Цветаевой // Октябрь. 1999. № 3.

² *Цветаева М.И.* Неизданное: Сводные тетради. М.: Эллис Лак, 1997. С. 353.

Черное на белом

Страсть к рисованию

Более десяти лет назад впервые были опубликованы дневники Мура – сына Марины Ивановны Цветаевой, и, прикоснувшись к миру Георгия Сергеевича Эфрона, читатели были потрясены эрудицией и одновременно обескуражены откровенностью автора, доверившего листу бумаги самые интимные стороны своей жизни. Возможность их публикации вызывала большие сомнения и даже опасения. Одни говорили, что эти дневники, безусловно, составляют часть архива Цветаевой, но тем не менее не являются результатом ее творчества. Другие, убежденные в необходимости публикации уникального документа эпохи, вместе с тем признавали необычайную сложность двуязычного текста и тяжесть его восприятия. Третьи предлагали ограничиться изданием перевода дневников на русский язык, опустив его значительную французскую часть. Составители же были убеждены: дневник Георгия Эфрона – историко-литературный памятник, имеющий самостоятельное значение, и должен быть опубликован полностью в своем каноническом виде. Жизнь показала – дневники стали сенсацией, культурным событием, прорывом в прошлое. Может быть, самым откровенным за последние полвека.

В своей статье литературовед И. Белякова писала: «Записи в “Дневниках” Мура обрываются 25 августа 1943 года, далее о его судьбе мы знаем только из его писем родным и некоторых архивных документов». И отмечает: «Том, включающий дневники, письма, стихи, прозаические опыты и рисунки Георгия Эфрона (одаренного, как и сестра, талантом рисовальщика), был бы захватывающим и бесполезным чтением, с разных сторон раскрывающим его многогранную и неоднозначную личность»¹. Настоящее издание «исправляет» эту ситуацию, вмещая в себя письма, часть художественного наследия и рисунки автора, наиболее характерные для его внутреннего мира и творческой манеры.

Георгий Эфрон родился 1 февраля 1925 г. в чешском городе Вшеноры близ Праги. Ему не было и года, когда семья переехала во Францию, где прошли его детство и отрочество. 1939 год круто изменил русло его жизни: вместе с матерью он в июне приехал в СССР вслед за переселившимися туда двумя годами ранее сестрой и отцом.

---

¹ *Белякова И.* Сын поэта // Новый мир. 2005. № 3 (Раздел: Литературная критика).

Татьяна Горяева

Родившийся в Чехии, выросший в Париже, он, попав в СССР образца 1939 года, пережил огромное психологическое потрясение. «Непонятно – во Франции не болел никогда, а здесь совсем разваливаюсь»¹. И дальше идет хроника постоянно преследовавших его недугов. Эта раздвоенность, противостояние и взаимодействие двух миров неизбежно отразились на мышлении Мура. Оно уникально не только по своей генетической предопределенности, но и по обстоятельствам формирования: освобожденное от самоцензуры, подкрепленное широкой образовательной базой и лингвистической состоятельностью. Острота взгляда на происходящее, чувство историчности и избранности – эти свойства, как ни удивительно, были характерны для конца тридцатых годов XX века. Наряду с идеологически обусловленным массовым сознанием на переломе мира и войны появилось новое поколение «гениальных мальчиков», чистых и смелых, которые обладали мистически прозорливым предсказанием будущего.

Как человек ярко выраженного интеллектуального склада, Мур культивировал лабораторные жанры – дневники, письма, записи, антологии цитат из прочитанных книг. Поражает его начитанность. Он принадлежал к той части русской эмиграции, где читали много и на разных языках. Он тоже читал много и умно: на страницах книги мы видим имена Монтерлана, Бергсона, Валери, Клоделя, Жида, Сартра, Малларме, Шекспира, Достоевского, Писемского, Леонова.

Юноша стал готовиться к карьере писателя. Из литературных опытов сохранилась записная книжка стихов и прозы «Проба пера». Но стихотворения Георгия Эфрона достаточно безнадежны. В книжке «Проба пера» их около 30-ти, и все редкостно бесцветны, натужны и антилиричны. Преобладающее настроение лирики Георгия Эфрона – ирония и обличение, исключение составляют несколько стихотворений, они откровенны и безоглядно выражают лучшие чувства – любви, жалости, оскорбления за унижение любимого.

Был и переводческий опыт у Г. Эфрона. Сохранилось начало его перевода романа Ж. Сименона «Преступление моих друзей». Видимо, это была последняя литературная работа сына Марины Цветаевой – дальше двух первых глав он не успел пойти.

Еще менее известна художественная грань таланта Георгия Эфрона. В дневниковых записях отражены надежды и разочарования юного живописца:

6/III-40. «“Дома” – все то же: лежу, читаю (прочел Обломова), рисую (пачку новоиспеченных рисунков отправил с Мулей на просмотр художнику Мифасову)...»

---

¹ Дневники. Т. 1. С. 37.

9/III-40. «...я познакомился с Иетой Квитко. Иета дочь еврейского писателя. Она просмотрела мои рисунки, оценила их; потом я зашел к ней в Москве (она художница), и она мне дала бумаги и показала, как нужно обращаться с масляными красками, дала красок и сказала, какие краски нужно купить. Она первая мне активно помогла по художественной части».

18/III-40. «Я имею определенное, всепризнанное... художественное графическое дарование, но среды художественной не люблю (как-то уж слишком все там “творческое”, с надрывом)».

25/III-40. «...я получил желанную бумагу – теперь снова смогу мазать маслом свои безобразия».

3/VI-40. «Для чего я пришел в МОССХ? Просто для того, чтобы мне указали место, группу, студию, где я бы мог научиться самым основам живописи и рисунка...»

3/VI-40. «Вообще я очень люблю графику (перо, карандаш, тушь, гравюру и т.п.) и не переносю живопись (масло, акварель), но если я буду учиться, то мне придется через это пройти. Мне главное, чтобы из меня вышел бы хороший график (иллюстратор, карикатурист)».

3/VII-40. «Выяснилось, что в моих рисунках не было ничего такого необыкновенного, и я просто дурак, что рисовал только “абстрактные карикатуры”, совершенно идиотские и никчемные. Я это обнаружил слишком поздно. Но я ни о чем не жалею и никогда не жалел, так что... Совершенно ясно, что мои карикатуры должны иметь определенный смысл и быть реалистичными. Без этого они ничего не стоят. Раньше я отдавал предпочтение абстрактному, теперь надо выбирать более трудный и “ответственный” путь. Завтра-послезавтра я начну писать маслом натюрморты и писать их карандашом...»

5/VII-40. «А вчера сделал натюрморт в масле, а сегодня в карандаше. Конечно, это скучновато, но необходимо. По-моему, моя первая работа маслом вышла совсем неплохо – для начинающего».

И вскоре – разочарование и крах всех планов.

10/III-41. «Уж добрый год, как бросил рисовать (со средней художественной школой ничего не вышло, да и тяги к живописи нет). Я окончательно охладел к призванию художника и никогда не вернусь назад».

13/IV-41. «Я писал лишь о том, что художество не будет моей основной профессией, продолжать же рисовать для развлечения я конечно буду».

И в письме сестре Але от 18/IX-42 отмечал: «А от всякой “пентюрной” (живописной. – Т. Г.) деятельности, кроме как от абсолютно самостоятельной и свободной, меня решительно воротит».

Татьяна Горяева

В РГАЛИ находится более четырехсот листов с рисунками сына М. Цветаевой за период с 1933 г. по 1944 г. включительно, в которых он пытался изобразить и осмыслить окружающую действительность. Его одаренность и культура обещали многое на поприще художника. Вмешалась Судьба. Эти рисунки – следы жизни незаурядной личности и всей столь значимой для русской культуры семьи.

Рисунки Г. Эфрона, выполненные на бумаге графитовым и цветным карандашами, иногда тушью и пером, представляют собой в основном карикатуры и шаржи, очень похожие на те, что молодой человек видел в популярной французской сатирической газете «Le Canard enchaîné» («Закованная утка»); в некоторых случаях они объединены в единый сюжет. Живописные персонажи столь противоречивы, загадочны и порой афористичны, что делают образ нашего героя еще более сложным и более трагичным.

Дмитрий Васильевич Сеземан, лучший друг, любимый Митька, на 66 лет пережил своего приятеля, уйдя из жизни в 2010 году. Писатель, профессиональный переводчик, он жил в Париже и только спустя многие годы узнал о том месте, которое занимал в судьбе Мура. После выхода в свет дневников Г. Эфрона он вспоминал в своем интервью: «С Муром мы всегда были дружны. Это притом, что Мур был на четыре года моложе меня, значительно умнее меня, с умом гораздо более зрелым, чем у меня, с острой критической направленностью, с удивительным для его лет точным, зрелым и беспощадным взглядом на окружающих его лиц. Я, уж на что глупый мальчишка 14–15 лет, – я это вполне сознавал. Мы очень дружили»¹. Дмитрий Сеземан прожил большую и сложную жизнь, дважды эмигрировав из родной страны, последний раз – в 1975 г. Его друг погиб 7 июля 1944 г. в своем первом бою на 1-м Белорусском фронте и похоронен в могиле неизвестного солдата в деревне Друйка.

Короткая и пронзительная жизнь. В одной из предсмертных записок М.И. Цветаева просила: «Берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите как сына – *заслуживает...*» Не сохранили, не сберегли. Но остались его дневники и письма – бесценный документ эпохи, художественные тексты и рисунки.

Татьяна Горяева, директор РГАЛИ

---

¹ Из интервью В. Амурскому. Париж, 7 января 2005 г.

дневники

**4 марта 1940 –
30 августа 1941**